

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

АШИК-КЕРИБ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

Л 492

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

АШИК-КЕРИБ

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА

**Рисунки
В. КОНАШЕВИЧА**

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД**

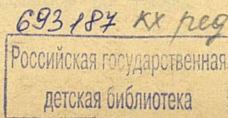
ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Н. Максимова*
Художеств. редактор *П. Суворов*
Технич. редактор *М. Кутузова*

Корректоры *Н. Тарасова* и
А. Сапелькина.

Сдано в производство 19/IX 1939 г.
Подписано к печати 13/X 1939 г.
Детизлат № 2474. Индекс Д-6.
Формат 65 × 92¹/₁₆. 1 печ. л.
(0,62 уч.-авт. л.), 0,5 б. л. 58732 зн.
в бум. л. Тираж 60000 экз. Уполн.
Главлита А-19216. Заказ 1705.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушевский вал, 49.

Давно тому назад в городе Тифлисе жил один богатый турок. Много Аллах дал ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше; так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайке) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами, и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему. «Что ты спишь под виноградником? — запела она. — Вставай, безумный, твоя газель идет мимо». Он проснулся, девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если бы ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню,

ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», сказала Магуль-Мегери, и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб: — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиса. И вот догоняет его всадник; он смотрит: это Куршуд-бек. «Добрый путь! — кричал ему бек. — Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ». Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни брода. «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад — о, горе! о, всемогущий Аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, уехал обратно в Тифлис; только пыль вилась за ним змеею

На одной свадьбе Ашик увидел Магуль-Мегери.

по гладкому полю. Прискакав в Тифлис, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежды». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем». Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, — ни один ему не понравился. Его чауши измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою!» — «Я человек вольный, странник из города Тифлиса, — говорит Ашик-Кериб. — Хочу — пойду, хочу — нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», сказал паша, — и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери, и эта песня так нравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото,

Мать взяла одежды и понесла к нареченной невестке.

заблестали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В то время отправлялся один купец с караваном из Тифлиса с сорока верблюдами и 80 невольниками. Призывает она к себе купца и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец; везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлисского купца. «Это мое!» сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец. — Я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлис: твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня. Наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать? От Арзиньяна до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дня. «Аллах всемогущий! — воскликнул он. — Если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле де-

лать!» И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан (юноша), что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», отвечал Ашик. «Слезай же сюда; если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать? — отвечал Ашик. — Твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою? Твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать?» — «Хотя бы в Арзерум поспеть нынче», отвечал Ашик. «Закрой же глаза». Он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся; я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — ответил всадник, — я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашик себе не верит, то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб; но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлис». — «Экой ты неверный! — сказал сердито всадник. — Но, нечего делать, прощаю тебе. Закрой же глаза. Теперь открой», прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать,

что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не поверит: дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня; но только он поднял голову — всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилияз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащей рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, и холоден, и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьбы, ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!» Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему дверь». — «Негодная! — отвечала старуха. — Ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не вникая ее упрекам, встала, отворила двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, онсел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз, и стал спрашивать он у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба

«Хотя бы в Арзерум поспеть нынче», отвечал Ашик.

и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтобы она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха. — Это сааз моего несчастного сына; вот уж семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до нее не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней!» И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (странник), и слова мои бедны; но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса. Хотя я беден и бедны слова мои, узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид (простодушный)», — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она. — Своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели; я вот уж семь лет как ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он: «Позвольте, матушка, взять сааз и итти; я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все,

что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха. — С тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны. «А если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чатрой (занавесом) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чатры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами; и за то я спою вам песню». — «Почему же нет? — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба; спой же что-нибудь, ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинди-гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя! — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу». — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать: сына или дочь бог ей дал; им отвечали: «шинди-гёрурсез (скоро узнаете)». И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дня».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь! Как можно из Халафа приехать сюда в три дня?»

«За что ж ты меня хочешь убить? — сказал Ашик. — Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру; верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; перед захождением солнца творил намаз в городе Карсе и вечерний намаз в Тифлисе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня; он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелье, из ущелья на гору: Мевлян (господь наш) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву? — сказала ее подруга. — Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чатру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула и бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

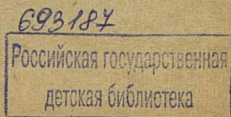

Магуль-Мегери узнала своего Ашик-Кериба.

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чатру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених. — Но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мне слепую, которая бы семь лет уже не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоя в сенях у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она. — Это точно брат и точно твой сын, Ашик-Кериб», и, взяв старуху под руку, привела ее на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, промолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз», и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты; я богат, у ней будет не меньше серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

	33355
Л 492	Лермонтов М.Ю
	Амизк - Керис

1039		35 коп

33355

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМЗ ДР. И. В. СКАГИ
ДЕЛГИСА~~

100=

Цена 35 коп.